

Въ исканіи сокровеннаго послѣдняго соединенія мысли и чувства, вѣры и знанія мы всё запредѣльны по отношенію къ словамъ и дѣламъ *міра сего*. *Мірз сей* насъ не услышитъ. Не словами и проповѣдями, не философской, научной и общественной дѣятельностью можемъ мы въ этомъ мірѣ сказаться, а въ реальномъ жестѣ ухода. И этотъ реальный жестъ, это религіозное знаменье, единственно оправдывающее не только отказъ отъ искусства Толстого, но оправдывающее и его проповѣдническую дѣятельность, есть уходъ.

Толстой ушелъ: кончина опустила занавѣсъ надъ дальнѣйшей судьбой его странствія. Если бы уходъ этотъ совершился десять лѣтъ назадъ, мы были бы свидѣтелями новаго цикла его исканій, и, какъ знать, можетъ быть новыя судьбы грядущей культуры уже были бы намѣчены.

Странствіе не успокоеніе: всю жизнь странствовалъ Левъ Толстой по прямолинейнымъ стогнамъ современной культуры и государства. Всюду останавливался онъ на культурной черезполосицѣ. Всюду вносилъ беспорядокъ и даже безчиніе на благоустроенныхъ стогнахъ цивилизаціи. А въ послѣдніе дни онъ пошелъ въ реальное странствіе. Если думалъ онъ найти мѣсто упокоенія за чертой современнаго Вавилона, того упокоенія онъ все равно не нашелъ бы. Пограничная черта современнаго Вавилона—черта горизонта, ибо вся поверхность земнаго шара—Вавилонъ.

Въ христіанствѣ имѣемъ мы реальное воплощеніе всѣхъ современныхъ синтетическихъ исканій: слово мудрости сочеталось съ плотію жизни въ личности Христа. Христось—точка высочайшаго, доступнаго человѣчеству синтеза. Но только въ этой единственной точкѣ естественный историческій процессъ сочетался съ надвременной правдой. Судьбы исторіи міровой преломились въ Христѣ: но самый ходъ исторіи, поскольку мы стоимъ виѣ пути совершенства, открываемаго Евангеліемъ, остался для насъ подчиненнымъ законамъ необходимости: въ этомъ смыслѣ божественность человѣчества еще только загадана намъ. Эта загаданность богочеловѣческаго процесса и есть запредѣльная современной языческой мудрости точка пересѣченія культурныхъ путей: съ точки зрѣнія естественнаго хода исторіи не можетъ быть рѣчи о христіанскомъ искусствѣ, какъ не можетъ быть рѣчи о христіанской наукѣ, общественности, философіи. Христіанство—въ Христѣ; христіанство—въ таинственно передаваемой благодати таинствъ.